

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ЛИЧНЫЕ
МОТИВЫ

ТОМ 2

Александра Маринина
Личные мотивы. Том 2
Серия «Каменская», книга 29

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=570185
Личные мотивы. Том 2: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46878-2

Аннотация

Прошлое неотрывно смотрит в будущее. Чтобы разобраться в сегодняшнем дне, надо обернуться назад. А преступление, которое расследует частный детектив Анастасия Каменская, своими корнями явно уходит в прошлое. Кто-то убил смертельно больного, беспомощного хирурга Евтеева, давно оставившего врачебную практику. Значит, была какая-то опасная тайна в прошлом этого врача, и месть настигла его на пороге смерти. Месть? Впрочем, зачастую под маской мести прячется элементарное желание что-то исправить, улучшить в своей жизни. А фигурантов этого дела обуревают множество страстных желаний: жажда власти, богатства, удовлетворения самых причудливых амбиций... Словом, та самая, столь хорошо знакомая Насе, благодатная почва для совершения рискованных и опрометчивых поступков. Но ведь где-то в прошлом таится то самое роковое событие, вызвавшее эту лавину убийств, шантажа, предательств. Надо как можно быстрее вычислить его и остановить весь этот ужас...

Содержание

Глава 8	4
Глава 9	15
Глава 10	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александра Маринина

Личные мотивы. Том 2

Глава 8

Валентина Евтеева искоса посматривала на профиль идущего рядом с ней Славомира Ильича, и сердце ее замирало от счастья и восторга. Все тревобления позади, на следующий день после визита в дом Крамарева той пожилой пары она встретила Славомира на прогулке. Как и в прошлый раз, за его спиной маячили два телохранителя.

– Валечка, как я рад вас видеть! – обрадованно воскликнул он. – Несколько дней не мог вырваться и, признаюсь вам, успел соскучиться. Вы такая очаровательная собеседница, мне очень не хватало прогулок с вами.

– Я тоже вас ждала, – призналась она искренне. – Боялась, не заболели ли вы.

Он легко коснулся ее руки, и Валентина обмерла. Неужели?! Неужели все сбывается?

– Было много работы, – вздохнул Славомир, как показалось Валентине, с сожалением. Во всяком случае, ей хотелось думать, что сожаление в его голосе действительно было. – Но я думал о вас, вспоминал, как мы вместе гуляли. А знаете что? Пойдемте выпьем кофе, здесь в торговом центре есть вполне пристойное кафе, где подают хорошую свежую выпечку. Пойдемте?

Она с радостью согласилась. Да она согласилась бы пойти с ним куда угодно, хоть в кафе, хоть на бои без правил.

Оказалось, из этой части лесного массива есть короткая тропа, которая вела прямо к большому торгово-развлекательному центру. Валентина шла от шоссе к месту встречи со Славомиром добрых двадцать минут, а теперь выяснилось, что можно было дойти и за семь.

Телохранители проводили их до входа и остались стоять снаружи у дверей. Славомира Ильича в кафе знали, видно, он частенько сюда заходил. Они заказали кофе и булочки из слоеного теста с яблоками и лимоном. Валентина, против обыкновения, даже краешком сознания не зафиксировала эти слоеные булочки как нарушение режима питания и угрозу размерам талии, рядом со своим спутником она готова была есть что угодно и не думать о последствиях.

– Расскажите мне о себе, – попросил он. – Кто ваши родители, как вы учились в школе, какими были ваши подружки в детстве, как вы влюбились в первый раз.

«Только бы ничего не напутать, – напряженно думала Валентина. – Я родилась не в Руновске и выросла не в Южноморске, я питерская девочка из интеллигентной семьи, папа – врач, мама – инженер. Брат – бизнесмен. Не нужно ничего выдумывать, я буду рассказывать правду, только все это будет происходить в Питере. И папу никто не убьет, он сам умрет от своей болезни. Нет, не надо про папину смерть, она была слишком недавно, а ведь Нина Сергеевна говорила, что в Москве не любят горя и вообще не любят людей с проблемами. Пусть папа будет жив, и никакой болезни нет. Я вообще об этом говорить не стану. Он же не спрашивает про моих родителей сейчас, он спрашивает про мое детство».

Она рассказывала о себе и своей семье и не переставала удивляться тому, что это может быть интересно Славомiru. Ну, когда Нина Сергеевна расспрашивала ее, Валя понимала: хозяйка изучает ее, у нее хобби такое, Нина сама предупреждала. Но Славомир! Никогда ни один мужчина, ухаживая за ней, не интересовался ее детством и школьными подружками, максимум, куда распространялось их любопытство, – это вопрос о том, была ли она замужем и есть ли у нее дети.

– А какие книги вы в детстве читали? – спросил он.

Разговор плавно перешел на литературу, и здесь Славомир Ильич активно включился в беседу и показал себя человеком знающим и тонким. Они как раз обсуждали, в каком возрасте имеет смысл читать «Мадам Бовари» Флобера, чтобы хоть что-то понять в этом произведении, когда Славомир Ильич вынул из кармана мобильник.

– Простите, Валечка, мне нужно позвонить. Девушка в депрессии, надо ее поддержать.

Валентина не поняла, о какой «девушке в депрессии» идет речь, и, пока Славомир разговаривал, она внимательно прислушивалась к каждому его слову, пытаясь сообразить, хочет ли он, чтобы она спросила, что это за девушка и отчего у нее депрессия. Наверное, хочет, иначе зачем бы вообще стал говорить об этом. Или сказал просто так, чтобы объяснить, почему прерывает разговор на самом интересном месте, и никакие расспросы в его планы не входят? Как же поступить, чтобы не вызвать раздражения и недовольства?

– Ольга Константиновна, – говорил Славомир Ильич в трубку, – ну ты как там? Ничего? Как спала? Что снилось? Ну, ты это брось, не надо так... Да все будет хорошо, не думай об этом... Ну ты же умница... Нет, так нельзя, это неправильно... Ну потому и неправильно... Нет... Нет... Ты давай-ка выпей что-нибудь успокоительное и ляг поспи, а проснешься – и все будешь видеть совсем в другом свете.

Ольга Константиновна. Нина Сергеевна говорила о какой-то Ольге, преподавательнице арабского. Неужели она? Так у них со Славомиром все-таки роман или что? Валентина начала нервничать. С одной стороны, он разговаривает с этой Ольгой ласково, проявляет заботу, но с другой – он же сидит в кафе с ней, с Валентиной, а вовсе не с Ольгой. Зачем он ей звонит именно сейчас? Неужели нельзя было позвонить потом, когда Валентины не будет рядом? Или он хочет таким образом дать понять, что несвободен и чтобы Валентина не строила напрасных планов? Но зачем тогда он повел ее пить кофе? И почему сказал при встрече, что думал о ней и скучал?

Славомир разговаривал долго и неторопливо, Валентина успела не только съесть обе свои булочки и допить кофе, но и выкурить целых две сигареты. Ей надоело прислушиваться, его слова вызывали у нее только неприятные и тревожные мысли, и Валентина переключилась на свое главное дело. Каменская уехала в Южноморск и уже начала работать, Стасов сказал, что она встречается с друзьями отца и собирается посетить больницу. В общем, дело движется, заказ выполняется, и это вселяет надежду. И Славомир Ильич тоже вселяет надежду... Неужели в ее жизни так странно и интересно начинается новая полоса?

– Трудно с вами, с девушками, – с улыбкой сказал он, убирая телефон.

Ну вот опять... На что он намекает? На то, чтобы Валентина все-таки спросила про эту Ольгу? Или просто извиняется за слишком долгий разговор?

– Все в порядке? – спросила она с участием.

Вот так, наверное, будет лучше всего. Захочет – расскажет, вопрос вполне это позволяет. Не захочет – промолчит, отделается кратким ответом.

– Дурака валяет девушка, – сказал он. – Не в настроении. Надо оказать моральную поддержку, а то как бы глупостей не наделала. Валечка, давайте перейдем на «ты», а?

Он сменил тему. Он не хочет рассказывать об Ольге. Значит, он по крайней мере не собирается давать понять, что несвободен, а это уже хорошо. Они легко перешли на более простое обращение, после кафе гуляли еще целый час, и, когда расставались, Славомир четко обозначил время и место их завтрашней встречи.

С того дня совместные прогулки стали ежедневными. Сегодня, 9 мая, в воскресенье, они встречались уже четвертый день подряд. И Валентина, идя рядом со Славомиром, чувствовала, что влюбилась безоглядно и безнадежно. А Славомир был таким же, как и в первый день, ровным, спокойным, ироничным, очень ласковым, и голос его звучал негромко и интимно, и он часто прикасался к Валентине будто невзначай, даже, случалось, обнимал ее за плечи, но она не замечала в нем ни малейшего признака волнения, словно они были ста-

рыми друзьями. «Может быть, ему просто интересно со мной, а как женщина я его совсем не волную», – с недоумением и даже с обидой думала она.

* * *

Мороженое быстро таяло, и Настя торопливо слизывала его, опасаясь, что оно все-таки капнет на ее белые брюки. В круглом бассейне два северных кита, Земфира и Пышка, показывали чудеса послушания и ловкости, они выпрыгивали из воды за мячом, возили на спине тренера и сделали прощальный круг, перевернувшись на бок и помахивая зрителям плавниками. После северных китов свое мастерство показывал полуторатонный, но невероятно ловкий морской лев Тимофей, а завершала представление парочка черноморских дельфинов. Все номера перемежались довольно остроумным конференсом. Настя, доев мороженое, хлопала в ладоши и радовалась, как ребенок. Сидящий рядом Чистяков поглядывал на нее с улыбкой.

– Ты вся перемазалась, – сказал он, доставая носовой платок, – как девчонка пятилетняя. Нравится?

– Ужасно! – призналась она. – Не помню, когда я в последний раз так радовалась. Ума не приложу, что нужно делать, чтобы заставить китов махать плавниками, это за пределами моего скудного разума.

Это был последний день из трех выходных. В первый день Настя позвонила по всем телефонам, которые ей удалось собрать у друзей Евтеева и в больнице, с огорчением выяснила, что из всего списка в городе на праздники остались только два человека. Они с Чистяковым их навестили, но ничего нового не узнали и отправились в океанариум, где Настя с изумлением и восторгом разглядывала рыбок за стеклами огромных аквариумов и поражалась разнообразию их окрасов. Вот рыбы, которым пятьдесят миллионов лет, серенькие, невзрачные. Подумать только, пятьдесят миллионов лет – срок, который трудно охватить умом, а эти серенькие длинные рыбки уже были! Плавали, размножались... А вот рыба-лев, золотисто-розовая, действительно напоминающая львиную гриву, Настя даже не подозревала, что такие бывают. У рыбки Водяные глазки возле глаз странные пузыри размером с вишню, а у белоснежной с прозрачными плавниками аранды на лбу мясистый вырост красного цвета, который называется «жировик», но выглядит как кучка красной икры, а из камня с маленькими пещерками выползают длинные, в горошек мурены. В огромном аквариуме плавала акула, а вокруг нее – прелестные на вид рыбки-прилипалы, синие, с ярко-желтыми хвостами, размером с детскую ладошку. А вот рыбка ярко-синего цвета с четко прочерченной широкой красной полосой от середины бока к хребту. Зачем эта полоса нужна? Для чего она? Для красоты? Или для чего-то другого? Природа знает, для чего, она ничего просто так не делает. Для чего-то она создала именно это и именно так, именно в таком виде. «Природа каждому существу что-то дает, – подумала Настя. – И дает для чего-то. Растения и животные принимают этот дар, как принимают данную им жизнь, и пользуются всем, что дано им от рождения, пользуются до самой смерти. Рыбки продолжают плавать, хищники охотиться, змеи ползают... Природа создает животных, растения, воду, камни для какой-то ей одной понятной цели, и эта цель неизвестна человеку до конца, и не нужно впадать в грех гордыни и думать, что ты можешь понимать все так, как оно было задумано, и распорядиться этим так, как должно. Все живое на земле благодарно пользуется дарами природы, и только человек растрчивает эти дары тупо и бездарно, а потом перестает пользоваться тем, что осталось. Ведь человеку даны руки, ноги, органы чувств и разум, почему же мы так пренебрежительно относимся к этим величайшим дарам, перестаем слушать, смотреть, думать, двигаться, запираем себя в раковине, сложенной из устаревших мифов и представлений, и вообще перестаем жить после определенных событий, будь то личное горе или просто

достижение некоторого возраста. Ведь мы тем самым оскорбляем природу, словно говоря ей: нам не нужно все то, что ты нам дала, нам это все без надобности, мы не собираемся этим пользоваться, забирай обратно. И она забирает. Отнимает зрение, слух, подвижность суставов, постепенно отнимает разум. Она дала нам все для того, чтобы мы могли наслаждаться жизнью и быть счастливыми, а мы этого не делаем, придумывая тысячи объяснений, почему мы не можем, почему у нас не получается. Отчего так? Наверное, прав был Бегорский со своим клубом «Золотой век», считая, что нужно продолжать функционировать так, как тебя создала природа, до последнего своего часа, не впадая в грех уныния и не предавая себя вечному затворничеству. Вообще поездка в Томилине многому меня научила, что-то слишком часто я ее вспоминаю. Хорошо, что Стасов поручил мне в свое время это дело».

После океанариума они ходили изучать другую часть набережной, ту, что начиналась за сквером, разделяющим старую, «литературную», и новую, «политическую», части города. Новая набережная была пошире, и магазины на ней стояли другие, если на старой торговля шла в палатках и киосках, то здесь красовались торговые точки с собственными названиями, отдельными помещениями, витринами и кондиционерами. И цены в ресторанчиках и кафе были повыше, а вот пляж оказался точно таким же необорудованным и с платными пластиковыми шезлонгами. Настя и Леша поужинали в кафе под названием «Шарм», являвшем собой изящную, выполненную из дерева терраску, нависающую над пляжем. Названия в меню поражали изобретательностью, но еда была ужасающе невкусной.

– Что сказал бы драгоценнейший Яков Наумович, если бы увидел, как мы за такие деньги давимся чем-то совершенно несъедобным, – задумчиво произнес Чистяков. – Наверное, умер бы от ужаса. Он ведь говорил, что питаться мы должны только в своей гостинице, потому что у нашего хозяина самые лучшие повара.

– Но не возвращаться же ради еды на другой конец города, – рассудительно ответила Настя. – У нас с тобой запланирован осмотр улицы, на которой жил Евтеев, а это как раз в «политической» части. Давай уже скорее додавимся, расплатимся и пойдем искать дом.

На следующий день, 9 мая, Настя снова с утра предприняла попытку дозвониться хоть до кого-нибудь, но тщетно: телефоны или не отвечали, или выяснялось, что нужный человек будет доступен только после праздников.

– Все, решено, – твердо сказала она, закрывая блокнот, – сегодня будем предаваться сладкому безделью.

– Слава богу, наконец-то! – обрадовался Алексей. – Дай голове хоть немного полноценного отдыха.

Они разделись и устроились под «грибком» возле бассейна в своем отеле, заказали кофе и по два куска торта и нежились на горячем солнышке, то и дело ныряя в прохладную голубую воду, по очереди играли в игрушки на айпоне Чистякова, потом Леша читал ей вслух какой-то детектив. Настя периодически проваливалась в дрему и удивлялась тому, насколько нединамично, затянато и скучно написан роман: она просыпалась, включалась на полуслове и обнаруживала, что все понимает, словно и не пропустила ничего.

Вечером взяли такси и поехали в предгорье, в ресторан «Синее море», который активно рекламировал Николай Степанович Бессонов, уверяя, что таких хачапури, как там, они не найдут нигде в мире. Места в ресторане, как и во многих других ресторанах Южноморска, были устроены в отдельно стоящих беседках среди густой зелени, рядом протекала горная речушка, через которую был перекинут горбатый мостик, и воздух здесь был прозрачным и влажным. Цены в ресторане были запредельными, но зато хачапури действительно оказались потрясающими, нежными и сочными, Настя и Чистяков съели по три штуки и потом долго приводили себя в чувство при помощи зеленого чая.

Они сидели за столиком в беседке, и Настя вдруг увидела кота необычного окраса. Кот был симпатичный и толстый, коричневый с зеленым, а концы шерстинок – белые. Она тут

же потянулась за фотоаппаратом – просто грех не запечатлеть такую красоту. Хорошо бы, чтобы удалось передать фактуру шерсти, и Настя оглянулась в поисках подходящего фона. Фон нашелся, это была оштукатуренная светло-бежевая стена здания ресторана, и солнечный свет падал прямо на нее, но встала задача поместить на этот фон привыкшее к свободе животное, да еще заставить его не жмуриться от яркого света. Однако кот оказался покладистым и охотно дошел до стены, привлекаемый запахом рыбы, кусочек которой Настя попросила у официанта, уносившего грязные тарелки с одного из столов. Чистяков стоял рядом с ней и держал вожаемый кусочек рыбы в пальцах вытянутой руки, кот сидел неподвижно, широко раскрыв глаза и не сводя застывшего взгляда с лакомства, а Настя быстро делала снимки. К ним подошел хозяин заведения, который оказался другом Бессонова.

– Можно посмотреть, что получилось? А то у нас многие Филимона снимают, а получается как-то не очень. Может, вам повезет больше.

Настя показала ему на дисплее снимки, и хозяин остался очень доволен.

– Замечательно, просто замечательно, – восторгался он. – Вы не дадите мне флэшку на пять минут? Я перекину фотографии на свой компьютер, потом напечатаю, мы их внутри в рамках повесим. Знаете, Филимон у нас всеобщий любимец, уже шесть лет здесь живет, у него чудный характер, добрый и не вредный.

– Для кота странновато, – заметил Алексей. – Они обычно довольно своенравные.

– Нет-нет, Филимон не такой, – заверил их ресторатор, – у него очень развито чувство собственного достоинства, и людей он не боится, но и наглости себе не позволяет, в тарелки не лезет и еду не выклянчивает.

Настя отдала ему флэшку, искренне радуясь, что ее работа в качестве фотографа нашла хоть какое-то признание. В феврале в Томилине ей уже говорили, что у нее как-то особенно хорошо получается снимать животных, но тогда она сочла это банальным, ни к чему не обязывающим комплиментом. И вот теперь снова... Может быть, у нее и впрямь есть какие-то способности?

Когда вернулись в гостиницу, Бессонов предложил посидеть у бассейна, попить чайку, ему интересно было, какое впечатление произвел на гостей его любимый ресторан. После отчета о посещении «Синего моря» разговор естественным путем свернул на доктора Евтева, который тоже любил там бывать. Настя поддерживала беседу, смеялась шуткам хозяина, а сама искоса поглядывала на Бессонова: а если это он? Если у него был повод отомстить Евтеву? Теперь она уже не сомневалась, что мотив убийства не корыстный, а личный, но какой именно? Как его обнаружить? Может быть, Лешка прав, и идти надо не от мотива, а от личности предполагаемого убийцы? Мог Бессонов убить тяжелобольного, умирающего друга? А Фридман мог? А его жена? А Галина Симонян? Все могли. И в то же время вроде бы никто из них не мог.

В третий выходной они отправились в дельфинарий, и Настя ела мороженое и так аплодировала, что отбила ладони.

– Знаешь, – сказала она мужу, когда представление закончилось и они выходили на улицу, – я даже в детстве так не хлопала, когда меня в цирк водили.

– Тебе в цирке понравилось меньше, чем здесь? – уточнил Чистяков.

Она покачала головой:

– Не в этом дело. В детстве все это воспринимается просто как фокус, тебе интересно, ты веселишься и хлопаешь. А сейчас-то я понимаю, сколько титанического труда стоит за каждым трюком, сколько сил, терпения и выдержки нужно, чтобы добиться таких результатов. И это меня восхищает. Я аплодирую не дельфинам, а тренеру.

– Выходит, тебе полезно было сходить в дельфинарий, чтобы это понять, – философски изрек Алексей. – Делаем вывод, что даже выходной день не прошел даром для твоего внутреннего роста.

– Да ну тебя! – рассмеялась Настя.

Но в глубине души она понимала, что насчет внутреннего роста муж прав. Этот рост начался внезапно и неожиданно, всего лишь с согласия сделать новую стрижку, тогда, в феврале, в провинциальном Томилине, но с того момента у Насти будто глаза стали открываться, и она начала осознать, как многого в этой жизни она не знала, не видела, не слышала и не понимала, увлеченная работой и погруженная в повседневные дела. Может быть, выход на пенсию для того и придуман, чтобы люди начали наконец прозревать?

* * *

Концерт разочаровал, а ведь они специально заранее смотрели программу и радовались, что услышат свои любимые произведения – Третий концерт Бетховена и Второй концерт Сен-Санса. Оркестр явно не успевал за молодым солистом, который изо всех сил стремился продемонстрировать резвость пальцев и постоянно убегал вперед. Да и струнная группа подкачала... Только к дирижеру у супругов Сорокиных никаких претензий не было, его прочтение их полностью устроило.

После концерта они решили пройтись пешочком, вечер был тихим и приятно прохладным. Вилен Викторович, правда, ворчал, поминая недобрым словом и слишком ретивого солиста, и неудалую струнную группу, но Ангелина Михайловна делала вид, что не обращает внимания на дурное настроение мужа, и старалась завести с ним разговоры на отвлеченные темы. Но сбить Сорокина с толку оказалось не так-то просто. Если начал он с того, что ему не понравился концерт, то очень скоро ему уже не нравилась и Москва в целом, и их жизнь в столице в частности.

– Зря мы все это затеяли, – в сердцах бросил он.

– Ты о чем, Виленка? – встревожилась Ангелина Михайловна. – Что мы затеяли?

– Да все вот это! – Он сделал неопределенный жест рукой. – Конца этому не видно. А в результате я не могу распоряжаться своей жизнью так, как хочу. Я не могу лечь днем поспать, не могу посидеть с книгой, когда мне хочется, потому что должен таскаться по зоопаркам и планетариям. А ты? Ты же вынуждена без конца печь пироги и плюшки и развлекать разговорами старого солдафона. Разве это жизнь? Разве об этом мы с тобой мечтали? Ну скажи, Геля, неужели нам с тобой плохо было дома, в Новосибирске? Мы с тобой жили как хотели, ходили по театрам и концертам, много читали, много гуляли, все обсуждали и ни на кого не оглядывались.

Ангелина Михайловна не на шутку перепугалась. Откуда у Вилена такие настроения? Надо немедленно что-нибудь предпринять, чтобы эти пока еще слова не переросли в действия.

– Ну что ты, Виля, – она постаралась говорить успокаивающе, – зачем ты так? Мы с тобой вместе это решили, мы вместе пришли к выводу, что там, дома, мы чахнем от скуки, от безделья, от бесцельности нашего существования. А теперь у нас появилась цель, и мы обрели смысл. Разве не так?

– Я не вижу никакого смысла в том, что мы делаем, – резко ответил Сорокин. – Смысл есть только у Максима, вот перед ним действительно стоит цель, вполне понятная и осязаемая, а у нас что? Мы с тобой превратились в мальчиков на побегушках, выполняем его указания, делаем, что он велит. Тебе самой это не противно? Почему ты не хочешь бросить все, вернуться и снова жить как прежде? Давай все бросим и уедем, пусть Максим сам решает свои проблемы.

Нет, это, на взгляд Ангелины Михайловны, уже совсем никуда не годилось! Как это так: все бросить и уехать? А жизнь в столице? А театры, выставки, музеи, концерты? Новосибирск, конечно, крупный культурный центр, но с Москвой-то в любом случае его не срав-

нить. Тем более начинается лето, а значит – гастролы многочисленных трупп, среди которых бывают необычайно интересные. А как же спектакли в рамках Чеховского фестиваля? Надо во что бы то ни стало переубедить мужа.

– Но ты вспомни, как ты радовался, когда Максим в первый раз к нам приехал и рассказал о своем плане! Тебе же было интересно, ты с удовольствием поддержал его, обещал помочь. Ты так загорелся этой его идеей!

– Ну, то было тогда, а то – сейчас... Я не думал, что это будет так долго и так трудно. И так скучно. Я перестал быть хозяином самому себе, я превратился в дурака какого-то, который служит, как верный пес, молодому богатею. Мне в моем возрасте это противно, неужели ты сама не понимаешь?

Так бывало всегда: Вилен быстро увлекался чем-то, загорался, но точно так же быстро остывал и терял интерес.

– Но, Виленка, мы же не можем бросить Максима! Мы обещали ему, он на нас рассчитывает. В конце концов, это бесчестно – так подвести человека, который на нас понадеялся.

– Да кто бы говорил о чести! – вскипел Вилен Викторович. – У Максима твоего ни чести нет, ни совести, как у любого из политиканов, и мы, между прочим, ничем ему не обязаны.

– Как это не обязаны?! – искренне возмутилась Ангелина Михайловна. – А кто купил для нас эту квартиру? Кто помог приехать? Кто нас содержит, если уж на то пошло? На наши с тобой две пенсии разве много мы бы смогли себе позволить по московским-то ценам? Ты об этом почему-то не думаешь, а я, когда за продуктами хожу, впервые в жизни не думаю о том, сколько у меня в кошельке денег и что я могу на эти деньги купить. Билеты на любой концерт – пожалуйста, новый костюм, чтобы выглядеть достойно, – пожалуйста, не хочешь ехать на метро – вызывай такси, средства позволяют. Тебе же нравится так жить, правда? А платить за это ты не хочешь.

– Я не готов платить чувством собственного достоинства, – с вызовом проговорил он. – Мне семьдесят два года, и я не намерен прислуживать какому-то нуворишу на тридцать лет моложе себя. Я завтра же поговорю с ним и скажу, что мы уезжаем.

– Ни в коем случае, – твердо сказала Ангелина Михайловна. – Ты этого не сделаешь.

– Почему же?

– Мы должны довести дело до конца, иначе не сможем уважать сами себя. И не забывай, речь идет не только о политических амбициях Максима, но и о нас с тобой. Нашей жизни это тоже касается.

При этих словах Сорокин как-то сник и некоторое время шел молча, потом снова заговорил, на этот раз негромко и очень зло:

– Ты всегда мечтала жить в столице, я хорошо помню, когда мы были еще совсем молодыми, ты только и говорила, что о Москве. Спала и видела, как бы оказаться здесь. Медом тебе намазано. Теперь, на старости лет, ты готова продаться с потрохами за возможность жить в московской квартире. Неужели тебе не стыдно, Геля?

– А тебе не стыдно, что ты все забыл? Может, ты не только забыл, но и простить готов? Тебе дороже всего твой личный покой, твой личный комфорт, ты хочешь, чтобы тебя никто не трогал и чтобы тебе все прислуживали, а ты бы только читал, слушал музыку, гулял и спал, когда тебе хочется. Так не бывает, дорогой мой.

Слово за слово – и они поссорились, впервые за последние годы. В гробовом молчании дошли до ближайшей станции метро и так же молча добрались до дома.

* * *

10 мая, в последний из трех выходных дней, Максим Крамарев поехал к отцу. Виталий Андреевич постоянно жил на даче, отношения со второй женой у него были плохими, и они давно уже жили отдельно. Жена осталась в городской квартире, помогала дочери, сидела с внуками, а мужа никогда не навещала и, насколько понимал Максим, радовалась тому, что вообще его не видит. Однажды по просьбе отца Максим ездил к ней, передавал какие-то документы и остался выпить чаю, вот тогда и услышал он из первых уст, каким невыносимым стал Виталий Андреевич с возрастом и как надоел он своей жене непрекращающимся нытьем о всеобщей несправедливости современной жизни в стране. У отца, оказывается, были большие амбиции, он хотел делать карьеру, суеился, интриговал, подсиживал, наущничал, собирался стать большим начальником или в профессиональной сфере, или по партийной линии, ему было в общем-то все равно, лишь бы иметь власть и прилагающиеся к ней атрибуты – отдельный кабинет, служебную машину и продуктовые пайки. В конце концов Крамарев-старший сделал ставку на партию, а ее взяли и запретили как раз в тот момент, когда уже все, казалось, было на мази и он вот-вот должен был стать освобожденным секретарем парткома крупного предприятия в Москве. После этого все пошло наперекосяк, потому что он так увлекся партийной карьерой, что упустил возможности профессионального роста, а наука и техника тем временем ушли далеко вперед, и догнать, наверстать упущенное он уже не сумел. Пришлось дотягивать до пенсии рядовым инженером и в шестьдесят лет уйти с работы.

Теперь Виталий Андреевич жил на даче и коротал время написанием мемуаров о советской власти. Максим как-то попросил почитать уже написанное и пришел в ужас от корявости языка и скудости мыслей. Это никто никогда не напечатает, потому что это скучно и очень тенденциозно, в тексте нет ничего, кроме самолюбования и подтасовки фактов таким образом, чтобы сам Виталий Андреевич выглядел молодцом.

Родители Максима развелись, когда мальчику было полтора года. Мать всегда говорила, что сама ушла от отца, но Максим до определенного момента в это не верил. Пове-рил он только тогда, когда узнал отца поближе и познакомился с его второй женой. Виталий Андреевич много лет сыном не интересовался, только алименты переводил, а два с лишним года назад неожиданно объявился и стал настойчиво советовать сыну пойти в политику, потому что власть, как он говорил, – это главное достижение в жизни настоящего мужчины. Отец обладал несомненным даром убеждения, потому и сделал в свое время «почти карьеру», и Максим повелся на эти разговоры, которые показались ему правильными, справедливыми. Он и сам не заметил, как попал под влияние отца. Максим Крамарев начал активную работу по продвижению себя в депутаты, а отец давал ему советы и строго спрашивал отчет по каждой мелочи. Максима это и смешило, и нервировало, он давно отвык отчитываться перед кем бы то ни было, но, с другой стороны, он не мог не признавать, что отец очень часто говорит дело и в людях разбирается.

Он еще только подошел к калитке, а Виталий Андреевич уже спешил ему навстречу, бодро спускаясь с крыльца.

– Сынок, наконец-то! Я так соскучился по тебе! Дай-ка я на тебя посмотрю.

Отец внимательно оглядел сына, и лицо его расплылось в довольной улыбке.

– Ты очень хорошо выглядишь, и костюм сидит отлично, и стрижка тебе идет. Это новая, да?

– Да, – чуть смущенно признался Максим, – имиджмейкер посоветовал сменить прическу. Ты считаешь, меня удачно постригли?

– Очень, сынок, очень удачно! И вообще, ты такой молодец, такой умница, я нарадоваться на тебя не могу. Ты один меня понимаешь, я с тобой душой отдыхаю.

Они вошли в дом, Виталий Андреевич бросился накрывать на стол, они перекусили, попили чаю, потом Максим неторопливо и подробно рассказывал о том, что делается в его предвыборном штабе, а отец то и дело хвалил сына и восхищался его умом, талантом и организованностью. Максим таял, как растаял и тогда, когда отец вдруг объявился после стольких лет глухого молчания. Мать была строгой и суровой, даже жесткой, она никогда не хвалила сына, только требовала быть еще лучше, еще старательнее, еще умнее, еще успешнее, а мальчику так не хватало любящего родителя, потому что Максим был уверен, что любовь – это мягкость, доброта и всепрощение, а вовсе не стремление сделать лучше для того, кого любишь. Ему казалось, что раз мать его не хвалит, значит, она им все время недовольна, а коль недовольна, стало быть, не любит.

Отношения с отчимом, маминым вторым мужем, у Максима тоже не сложились, в детстве и юности он чувствовал себя одиноким и брошенным, поэтому на появление родного отца откликнулся горячо и жадно. Тем более Виталий Андреевич, умеющий находить подходы к людям, быстро нашел подход и к сыну. Сперва Максим, правда, пытался упрекать отца в том, что тот столько лет не появлялся и не интересовался своим ребенком, но Виталий Андреевич объяснил, что не хотел мешать новой семье бывшей жены и влезать в отношения Максима с отчимом, чтобы их не испортить. «Я же не знал, что у вас не сложилось, – оправдывался он. – Я был уверен, что вы живете в мире и дружбе, и не хотел болтаться между вами, как лишняя деталь. Я думал, ты его папой называешь, а про меня и не знаешь вовсе, ты же был совсем маленьким, когда мы с мамой расстались. Я берег твою психику, не хотел ее калечить». В тот момент Максима это очень тронуло, и в нем вспыхнула любовь к отцу, к родителю, который его хвалил и поощрял, который откровенно любовался им, и скучал по нему, и ждал его приезда. Не то что мама, которая, в отличие от Виталия Андреевича, никогда не говорила сыну, что соскучилась и не могла дожидаться, когда же он приедет. Мама вообще скупа на добрые слова, а здесь, у отца, Максим просто купается в любви и восхищении.

Он как раз пересказывал отцу новый вариант предвыборной программы своего главного и самого опасного конкурента Разуваева, когда в кармане завибрировал мобильник. Максим взглянул на дисплей: нет, с этим человеком нельзя разговаривать в присутствии отца. Он быстро поднялся и вышел на крыльцо, заметив недоуменный и обиженный взгляд Виталия Андреевича. Конечно, отец вправе полагать, что у Максима нет от него секретов, ведь сын даже про свою любовницу Жанну ему рассказал. Но есть вещи, которые Крамареv-младший не может поведать даже Крамареvу-старшему.

– Алло, – тихо произнес он в трубку, давая понять, что ему неудобно разговаривать.

Но разговаривать все равно пришлось, вернее, не столько говорить, сколько слушать.

– Я понял, спасибо, – произнес он в самом конце и отключился.

Значит, они продолжают что-то вынюхивать, но, похоже, сами не знают, что именно. Ничего, это не страшно, пока эта парочка в Южноморске, Крамареvу ничего не угрожает. А в других местах они искать не станут, ума не хватит. И все-таки интересно, кто они такие? В милицию не обращаются, зафиксирован всего один контакт с сотрудником уголовного розыска, да и то с таким, который ничего не знает и потому не опасен. На самом деле беспокоиться пока совершенно не о чем, никто ничего не знает, а потому никто и не может быть опасен. Но просто любопытно, откуда они взялись и что им надо...

Максим вернулся в дом и сразу же наткнулся на осуждающий взгляд отца.

– У тебя от меня секреты, сынок?

– Никогда, – Максим широко улыбнулся. – Просто рано было рассказывать, а теперь, после этого звонка, уже можно. Пап, у меня появилась новая женщина... Ты не представляешь, какая она!

– Что, лучше Жанны? Кстати, ты обещал ее привезти сюда, познакомить нас.

– Папа, она не лучше Жанны, она просто другая. Она волшебная.

Что сказать еще, Максим не знал, и вел себя как влюбленный пацан. Виталий Андреевич строго сдвинул брови.

– И как далеко у вас зашло?

– Пока еще не зашло. Но вот она сейчас позвонила и дала понять, что может зайти...

– Сынок, не надо бы тебе распыхляться в такой ответственный момент, – посоветовал отец. – Тебе сейчас требуются все силы, ты должен быть собран и сосредоточен, ведь начинается финальная часть предвыборной гонки, а ты роман завел. Это будет тебя отвлекать.

– Да? – Максим сделал вид, что прислушивается к его словам. – Ты так считаешь?

– Конечно, сынок, – горячо заговорил Крамарев-старший и принялся убеждать сына в том, что любовные отношения – вещь, безусловно, хорошая и даже полезная, но они должны быть ко времени. А если не ко времени, то могут только навредить.

Максим молча слушал и кивал, не выдвигая никаких контраргументов.

– Да, пап, ты, пожалуй, прав, – сказал он. – Мне это как-то в голову не приходило. Придется мне отложить развитие отношений до лучших времен, а сейчас все силы отдать выборам. Все-таки я у тебя не очень умный, да?

– Ну что ты, сынок, ты умница, ты редкий человек, так много успел, так многого добился в свои годы! Я горжусь тобой.

У Максима Крамарева хватало внутренней честности признать себе, что ездит он к отцу только ради того, чтобы слышать эти слова. Эти и им подобные.

* * *

Ардаев стоял, скорбно склонив голову, и слушал выступающих на гражданской панихиде бывших коллег. Хоронили подполковника в отставке, с которым Ардаев когда-то вместе работал, не очень тесно и недолго, но все-таки долг сослуживца призывал попрощаться с покойным и отдать ему последнюю дань уважения. Народу на панихиду собралось не так чтоб очень много, а ведь похороны специально переносили на день после праздников, чтобы люди успели вернуться с дач и из домов отдыха. Умер несчастный еще 6 мая, и, по-хорошему, хоронить надо было бы 8-го, на третий день, как положено, но родственники решили дожидаться, пока все съедутся в Москву после праздников, чтобы панихида была похожа на панихиду, а не на сиротские похороны.

Ардаев слушал выступающих вполуха, исподтишка оглядывая присутствующих. Да, не жируют они на свои государственные пенсии, а ведь наверняка никто дома не сидит, все работают, кто где смог пристроиться. Есть, конечно, среди его бывших коллег и очень удачливые и успешные, и немало, но их здесь сейчас нет, у них нашлись дела поважнее проводов в последний путь. А сюда пришли те, кто, как и покойный, считают копейки, из которых складывается их нынешний достаток – пенсия да скромная зарплата. Одеты – глаза бы не глядели, сплошной ширпотреб, купленный на вещевом рынке, и лица у всех какие-то понурые, и не оттого, что похороны, а просто оттого, что жизнь тяжелая и безрадостная. Он, Ардаев, конечно, старается соответствовать и тоже улыбкой не сияет, но все-таки одет он не в пример остальным: дорого и со вкусом. У него один галстук стоит столько, сколько вся одежда на этом, к примеру, мужичонке, который когда-то был его, Ардаева, начальником. Ну и толку было в свое время делать карьеру, рвать задницу и из-под себя выпрыгивать, чтобы спустя короткое время видеть своих же подчиненных в полном шоколаде, а самому пустые щи хлебать? Нет, это не для него.

Панихида закончилась, родные и близкие в последний раз подошли к открытому гробу, и уже через десять минут процессия двинулась к вырытой могиле. Бросили, как полагается,

по горсти земли, подошли по очереди к вдове и дочери, сказали какие-то слова поддержки и утешения и двинулись к выходу, где уже ждал автобус, чтобы везти на поминки. Ардаев прошел мимо автобуса к своей машине. На поминки он ехать не собирался, у него было куда более важное дело: на сегодня назначен последний визит к стоматологу, который заменит наконец временные коронки постоянными, и Ардаев сможет отныне улыбаться поистине голливудской улыбкой.

На прием к врачу он немного опоздал – попал в пробку.

– Слава богу, в последний раз, – сказал он, усаживаясь в зубо врачебное кресло. – Вам, наверное, смертельно надоело со мной возиться, работа-то проделана огромная.

– Ну что вы, – скромно улыбнулся врач, молодой, полноватый, с трехдневной щетиной на округлых щеках, – чем труднее работа, тем мне интереснее. Даже жаль, что мы с вами заканчиваем. Я для вас пригласил анестезиолога на всякий случай, но вообще-то процедура не страшная. Вы как?

Ардаев панически боялся любой боли, а уж о зубной и говорить нечего, он боялся даже обезболивающих уколов в десну, и страх этот, и вырабатываемый адреналин не давали лекарству действовать в полной мере. Сколько ни добавлял врач препарат – ему все равно было больно, и тогда доктор предложил вызывать анестезиолога, который вводил Ардаеву специальный коктейль. Один укол в вену – и благодатный легкий сон, а при пробуждении все уже кончено, и ни боли, ни страха. Процедура Ардаеву понравилась. Зачем терпеть даже легкое неудобство, когда можно спокойно спать и ни о чем не думать?

– Конечно, – кивнул он, – давайте.

Через сорок секунд после укола он крепко уснул, а когда проснулся, его зубы были ровными, гладкими и красивыми. Доктор поднес Ардаеву зеркало.

– Ну, что скажете?

Ардаев широко улыбнулся и невольно залюбовался собой. Красота! Нет, подружку решительно пора менять, с такой улыбкой он теперь может рассчитывать кое на что получше тридцатитрехлетней засидевшейся в девках актрисульки.

Он расплатился и вышел из кабинета, а в холле остановился перед большим зеркалом и осмотрел себя с ног до головы. Хорошо, что он купил на днях этот костюм, сидит отлично и возраста не прибавляет. Ардаеву в прошлом году исполнилось шестьдесят, своего возраста он не стеснялся, считал, что еще достаточно молод, но ему казалось, что выглядит он старше своих лет. Он тщательно следил за прической и регулярно стригся в дорогом салоне, затеял улучшение зубов и старался, чтобы одежда подчеркивала только достоинства его фигуры, коих было, надо признаться, не так уж много. Недостатков-то куда больше...

Но все равно, у покойного, с которым он сегодня простился, все уже позади, для него все закончилось, а у него, у Ардаева, все еще впереди. Его ждут самые лучшие годы и самые яркие удовольствия, его ждут новые машины, дорогие курорты и красивые женщины. Только бы все получилось! «Получится, обязательно получится, – думал он, легко сбегая по ступенькам к выходу на улицу и подходя к своему автомобилю, – первая часть плана прошла без сбоев, почему вторая должна не получиться? Конечно, не все здесь зависит от меня, слишком много людей вовлечено в процесс, но, в конце концов, им ведь можно и помочь, если будет нужно».

Садясь в машину, он слегка придержал дверь, чтобы не задеть проходящую мимо женщину, и улыбнулся ей своей новой ослепительной улыбкой. На душе стало легко.

Глава 9

Наконец-то праздники закончились, наступило 11 мая, и Настя Каменская приободрилась. Сегодня должен вернуться из Арабских Эмиратов Евгений Евтеев, а также Лада Якушева, девушка, которая была сиделкой у Дмитрия Васильевича Евтеева и которая на все праздники уезжала в горы на турбазу, о чем им сообщила мать Лады. Первым делом Настя позвонила Евгению на мобильник, но тот сказал, что рейс из Дубаи на Москву у него только во второй половине дня, а потом из Москвы ему предстоит ночной перелет в Южноморск, после которого он намерен хоть немного выспаться, так что встретиться с детективом из Москвы он сможет не раньше завтрашнего обеда. Зато Лада Якушева, вернувшаяся в Южноморск накануне поздно вечером, согласилась встретиться прямо сегодня. По телефону с ней договаривался Чистяков: Настя сочла, что беседовать с молодой девушкой лучше обаятельному москвичу, чем тетке сомнительного возраста.

– Что я должен у нее спросить?

Чистяков достал айпод, вывел на дисплей клавиатуру и приготовился записывать подробные инструкции.

– Понимаешь, Леша, для того чтобы так точно улучшить время взлома квартиры, нужно долго за ней наблюдать, – объяснила Настя. – Сама заказчица утверждает, что никого подозрительного не замечала, но она не из тех, кто стреляет глазами во все стороны. Она мне показалась такой погруженной в себя, не видящей ничего вокруг. У нее работа, у нее больной умирающий отец, она вся в своих мыслях и проблемах и по сторонам не смотрит. А вот молоденькая девушка, к тому же симпатичная...

– А это точно, что симпатичная? – с интересом перебил ее Чистяков.

Настя пожала плечами:

– Так говорит заказчица. Сам увидишь. Так вот, такая девушка обязательно смотрит по сторонам и ловит мужские взгляды, она постоянно готова к знакомству, к тому, что встретит своего прекрасного принца. Сиделка могла кого-нибудь заметить.

– Ясно. А что я должен ей врать?

– Врать? – не поняла Настя.

– Ну, что я должен ей говорить? Я вообще кто? Твой муж?

– Ты – частный детектив из Москвы, к которому обратилась Валентина Евтеева. Зачем что-то выдумывать? Говори правду.

– Это ты называешь правдой? – усмехнулся Леша. – Какой я, к чертовой матери, частный детектив? Слушай, мне твоя затея не особо нравится, может, все-таки лучше ты сама с ней поговоришь?

– Лешенька, – взмолилась она, – ну пожалуйста, я тебя очень прошу! Она со мной будет разговаривать абы как, лишь бы отвязаться побыстрее, и ничего вспоминать не станет, она даже не постарается вспомнить.

– А со мной, думаешь, будет не так? – с сомнением спросил он.

– Конечно, нет! Ты ей интересен, ты – незнакомец из Москвы, красивый, высокий, хорошо одетый, обаятельный. Ты пригласишь ее в кафе и будешь угощать коктейлем и пирожными, будешь говорить ей комплименты, и она захочет, чтобы ваш разговор продлился как можно дольше, а для этого ей придется постараться и вспомнить.

– Ну ладно, – вздохнул он, – уговорила. Теперь учи меня, как надо задавать вопросы, чтобы был толк.

– В первую очередь попроси ее вспомнить день, когда убили Дмитрия Васильевича...

Инструктаж занял примерно полчаса, после чего они отправились в сквер рядом с дельфинарием – именно там Лада Якушева назначила Алексею встречу.

И вот теперь Настя сидела в сквере и ждала мужа, который встретил девушку и повел ее на новую набережную пить кофе с пирожными. Время тянулось мучительно, и она от нечего делать принялась фотографировать многочисленных собак и кошек, бродящих по скверу как с хозяевами, так и без оных. Кошки, судя по откормленности, имели постоянную прописку в точках общепита, а вот собаки были разные: и ухоженные, и откровенно бездомные. Особое внимание привлекла беременная сука невятной породы, она показалась Насте необыкновенно выразительной. Собака лежала в песочнице перед маленьким домиком с треугольной крышей, края которой создавали необходимые для построения кадра диагонали, но проблема была в том, чтобы поместить саму собаку не в центр, а в место пересечения воображаемых линий, делящих кадр на девять равных прямоугольников, как того требовало «правило деления на три части», о котором Настя прочитала в учебнике по фотографии. Как только Настя отходила в сторону и удавалось поместить собаку в нужную точку кадра, диагонали оказывались не на месте и портили всю композицию. Пришлось пойти на известный риск, купить в киоске гамбургер и с его помощью отвести собаку в то место, которое наиболее подходило для построения кадра по всем канонам. Теперь будущая мама была на переднем плане слева, диагонали крыши – на среднем плане справа, а на заднем плане виднелись высокие кипарисы, врезающиеся в ярко-голубое небо. С композицией Настя кое-как справилась, но теперь, глядя в видоискатель, она понимала, что для выразительности очень не хватает цветового пятна. Увлечшись фотографированием, она стала всегда носить с собой вместе с фотоаппаратом три маленьких платочка основных цветов – желтого, синего и красного. Собака, которую удалось переместить из песочницы в другое место, теперь лежала на траве, и на ее зеленом фоне отлично смотрелось небольшое красное пятно – платочек.

Настя так увлеклась беременной собакой и попытками сделать выразительный снимок, что совсем не обращала внимания на окружающих, и конечно же, она не заметила сидящую неподалеку полную красивую даму в простом сарафане в мелкий «деревенский» цветочек. А коль так, то она и не узнала, что дама посматривала то на нее, то в сторону кафе, куда Чистяков увел сиделку Ладу Якушеву.

Она сделала с добрый десяток снимков, потом начала экспериментировать с цветом – ей показалось, что желтое пятно на зеленой траве будет выглядеть менее активным, зато вызывающим ассоциации с солнцем и покоем. Потом подошел черед синего пятна, которое Настя поместила на светло-коричневую деревянную крышу детского домика... А потом она увидела Чистякова, который шел по пересекающей сквер дорожке. И внезапно заметила, как обернулись ему вслед две молодые женщины, шедшие навстречу. Алексей шел, освещенный солнцем, такой стройный, ладный, подтянутый, шел своей легкой упругой походкой, на которую Настя, к своему стыду, впервые обратила внимание только минувшей зимой, когда смотрела на мужа из окна гостевого домика старинной усадьбы. А вот и еще одна женщина заинтересованно посмотрела ему вслед. Надо же, как им интересуются дамочки! А вот ею, Настей Каменской, уже никто не интересуется...

Алексей подходил все ближе, и Настя стала рассматривать его пристально и придирчиво. Совершенно белые волосы, морщинки на лице и шее. Господи, они же состарились вместе, а она даже не заметила! Но при этом Лешка продолжает сохранять мужскую привлекательность, то есть, говоря циничным языком рыночных отношений, он сохраняет товарную ценность, а она эту ценность уже утратила. Она не поймала на себе за последнее время ни одного заинтересованного мужского взгляда. Какой же он у нее красивый! А она – чучело. Хорошо еще, что взяла с собой платье, сшитое Тамарой, оно Лешке очень нравится, и его можно будет надеть послезавтра, в день пятнадцатой годовщины их свадьбы. И хорошо, что дала Тамаре уговорить себя сделать стрижку. Настя представила себя с прежним хвостиком, в джинсах и в футболке и невольно поежилась. Сзади пионерка, спереди пенсионерка.

Наверное, в своем прежнем виде она выглядела просто смешно. А Лешка хорош необыкновенно... И почему она раньше этого не видела?

– Почему ты так странно смотришь? – спросил он, подойдя к ней. – Что-то не так? У меня порваны брюки?

– Леш, ты жутко красивый, – выпалила Настя. – На тебя все бабы заглядываются, шеи себе посворачивали.

– Не выдумывай! Собирай вещи, и пошли в одно интересное место, – скомандовал Чистяков.

– Куда?

Она подняла платочки и принялась торопливо собирать и укладывать в большую сумку фотопринадлежности.

– Я поведу тебя в кафе «Джоконда», – торжественно объявил он.

– Зачем? – удивилась Настя.

– Кажется, у вас это называется выездом на место происшествия, – с загадочным видом сообщил Алексей. – Встреча с девушкой оказалась небезопасной, я узнал много нового и интересного.

– Ну а кафе-то тут при чем?

– Говорят, это самое крутое место в городе, там повар по десертам – настоящий итальянец, и если мужчина хочет очаровать даму, он непременно ведет ее в «Джоконду». И кофе там самый лучший.

Про пирожные Настя уже слышать не могла, за последнюю неделю она объелась ими на долгие годы вперед, а вот известие про самый лучший в городе кофе ее взбодрило: выпить действительно хорошего кофе ей здесь удавалось нечасто.

– То есть ты хочешь меня очаровать? – на всякий случай уточнила она с улыбкой.

– А что, надо? – ответил он вопросом на вопрос. – На самом деле в этом кафе происходили важные для твоего расследования события, и я считаю, что нам имеет смысл посмотреть обстановку на месте.

– Я готова, – сказала Настя. – Ну давай же, рассказывай.

– Не раньше, чем мы доберемся до места и сделаем заказ. Иначе мой рассказ не произведет нужного впечатления.

– Ну, Леш, не вредничай, ты же видишь: я умираю от любопытства.

– Идем, идем, – он потянул ее за руку.

– Далеко идти-то?

– Нет, рядом, на новой набережной. Мы с тобой мимо пару раз проходили, но внимания не обращали.

Как ни силилась Настя, но вспомнить эту «Джоконду» она так и не смогла. И когда они мимо нее проходили? Может, Лешка шутит?

Однако когда он подвел ее к круглому зданию с куполом, она вспомнила: действительно, они здесь шли, и здание это Настя помнит, только вывеску она не прочла, отвлеклась на что-то. Оказалось, что кафе со знаменитыми десертами располагается на первом этаже, а на втором находится ресторан с банкетным залом.

От десерта она отказалась, хотя меню с картинками действительно поражало воображение, и заказала только две чашки кофе, правда, разного.

– А чего ты сладкое не берешь? – огорченно спросил Чистяков. – Говорят, здесь оно потрясающе вкусное.

– Леш, у меня внутри от сладкого уже все слиплось, – пожаловалась Настя. – Я же десерты здесь каждый день ем. Я больше не могу.

– Ну ладно, как хочешь. А я закажу.

Он заказал девушке в униформе, стилизованной под итальянское народное платье, три вида десертов и приступил к рассказу. Лада Якушева оказалась и в самом деле очень симпатичной, даже почти красивой, и, как многие провинциалки с хорошими внешними данными, мечтала о достойной жизни рядом с богатым мужчиной желательно не противной внешности. Сиделкой у Дмитрия Васильевича Евтеева она работала без малого год, отношения и с самим доктором, и с его дочкой у нее были хорошие, и платили они щедро, где еще такой заработок найдешь! Работа, конечно, нелегкая, но и оплата соответствующая. Девушка нечасто отлучалась от постели больного, ну, иногда в ближайший магазин сбегает или с подружкой посидит в кафе на набережной, это же совсем рядом, но всегда это бывало только с разрешения Дмитрия Васильевича, и то если он себя неплохо чувствовал.

Незадолго до убийства Лада познакомилась с таким мужчиной, ну уж с таким мужчиной – ну просто всем мужчинам мужчина. Зовут Владимиром. Он сразу завоевал сердце девушки тем, что в первый же вечер пригласил ее пить кофе именно в «Джоконду», где такие цены – никакой сиделке не по карману. Во второй раз они встречались в «Джоконде» днем, когда Лада была на работе, но это же совсем рядом с домом Дмитрия Васильевича, всего минут пять-семь быстрым шагом, и Евтеев ее отпускал. И в третий раз они тоже днем пили кофе, и тоже в «Джоконде». В день смерти Евтеева Владимир снова пригласил ее на свидание, Дмитрий Васильевич отпустил ее на полчаса, Лада побежала в «Джоконду», но со свидания вернулась не через тридцать минут, а почти через час, потому что кавалер слегка опоздал, и не прерывать же свидание через пять минут после его прихода, это как-то глупо. Да и вкусенького десерта ей очень хотелось, а без кавалера она заказывать не решалась: вдруг Владимир совсем не придет и ей придется расплачиваться. Ну, пока официантка подошла, пока заказали, пока съели, пока поболтали немножко – время и прошло. Жаль, правда, что больше они не виделись, но все равно воспоминания приятные.

– Я спросил, может ли она описать этого Владимира, и записал все, что она вспомнила.

– Лешка, ты – гений, – довольно улыбнулась Настя. – Не зря я тебя отправила к Ладе. Но каков этот Владимир подлец, а? Ловок до невозможности. Выманил девчонку из квартиры, совершил убийство и быстренько побежал пить кофе, дескать, прости, родная, опоздал, так получилось.

– Ну да, – кивнул Чистяков, облизывая ложку, – теперь понятно, что это был не случайный залетный воришка, а человек, который готовился к убийству заранее, специально познакомился с сиделкой, приглашал ее на свидания, дарил цветы и говорил комплименты.

– Что, и цветы дарил? – не поверила Настя.

– Лада говорит – дарил, а там кто знает, – усмехнулся Алексей. – Девушки частенько привирают, преувеличивают интенсивность ухаживания, уж нам ли с тобой не знать.

– Это верно, – согласилась она. – Но главный вопрос все равно остается открытым: убийца что-то взял в квартире или его единственной целью было лишение Евтеева жизни исключительно по личным мотивам? И Стасов молчит.

– А что ты хочешь от него услышать? – поинтересовался Чистяков.

– Он обещал собрать сведения о родословной Евтеевых, может, там какие-нибудь дворянские или купеческие корни.

– Ты имеешь в виду наличие семейных реликвий?

– Ну да. Стасов обещал узнать, но пока ничего не говорит. Наверное, у него, как у всех нормальных людей, были длинные праздники. Ладно, Лешик, давай составлять план на ближайшее время. Значит, завтра у нас младший Евтеев. А сегодня я бы пообщалась с теми, кто у меня остался по списку, они вроде бы должны уже появиться. Ты как?

– Ой, нет, – замахал руками Алексей, – меня уволь, если можешь. Я и так надорвался с этой Ладой, не понимаю, как ты можешь встречаться с несколькими людьми за один день. Давай ты будешь с ними разговаривать, а я погуляю.

– Ну давай, – согласилась Настя. – Извини, если я тебя утомила. Покажи мне словесный портрет этого Владимира, который дала Якушева, буду прикидывать его ко всем фигурантам.

Ей стало неловко. Ну в самом деле, она за столько лет службы в розыске привыкла опрашивать большое количество людей, и это занятие не казалось ей утомительным. Насте даже в голову не приходило, что кто-то может уставать от такой, в сущности, пустяковой работы.

* * *

– И кто это был? – требовательно спросила Линда Хасановна, когда Петр наконец появился в сквере.

– Да это сиделка доктора Евтеева, кажется, ее зовут Ладой.

– Ты уверен?

– Обижаете, Линда Хасановна, я ее хорошо запомнил еще с того времени, как ее к следователю таскали.

– Почему это ты ее хорошо запомнил? – Линда недобро прищурилась. – Потому что она молодая и красивая?

– Я ее запомнил, потому что я добросовестный работник, – терпеливо ответил Петр. – И не смей меня ревновать, красивее тебя на свете нет женщины.

Линда смягчилась и улыбнулась.

– Ладно. А о чем они говорили?

– Ну, это вы, Линда Хасановна, с меня много требуете! – возмутился Петр. – Насчет техники я сказал, только толку пока никакого, хотя и обещали помочь. А с девочкой я поговорю отдельно, это будет нетрудно. Она мне сама все расскажет. А что у тебя? Что поделявала твоя подопечная сыщица?

Линда движением, исполненным презрения, пожала плечами.

– Фотографировала. Ты только представь: беременная собачка, такая жара, и вместо того чтобы помочь несчастной, напоить ее, накормить, устроить в тенечке, она ее фотографировала! Да еще гамбургером приманивала! У нее вообще нет сердца! Нет, я просто не понимаю, как это можно: беременную собаку кормить гамбургером!

– Конечно, – усмехнулся Петр, – была бы твоя воля, ты бы всех бездомных собак домой взяла и возилась бы с ними. Ну скажи мне, что плохого в том, что эта москвичка фотографировала собаку? Чего ты на нее взъелась? И кстати, чего ты расслаживаешься? Пойдем, они в «Джоконде» кофе пьют, как бы нам их не упустить.

– Я расслаживаюсь! – вспыхнула Линда. – Я, между прочим, тебя ждала, не уходила, хотя и видела, что он ее уводит куда-то.

– Ну вот, а я потолокся немного на набережной и увидел, куда они пошли. И перестань дуться, это портит твою красоту.

Они быстрым шагом направились в сторону ресторана «Джоконда» и устроились на парапете напротив высокого широкого окна, через которое хорошо были видны московские сыщики.

– Узнать бы, как их зовут, – задумчиво проговорил Петр. – Есть идеи?

– Только если через гостиницу. В милиции нам ничего не удалось узнать, кроме того, что они частные сыщики и работают по заказу дочери Евтеева. А в гостинице наверняка знают все паспортные данные.

– Возьмешься?

– Естественно, – фыркнула Линда. – Тебе с этим не справиться, гостиничные барышни – это моя клиентура. Посмотри, она ничего не ест, только кофе пьет. И надо было ради этого переться в «Джоконду»! Сюда понимающие люди ходят специально десерты кушать, а она...

Тьфу! Вот мужчина у нее молодец, ему весь стол тарелками заставили. И вообще он – хоть куда, а бабенка у него негодящая. И бессердечная.

Петр искоса глянул на Линду и промолчал. Он понимал, что происходит. Полная, пышнотелая Линда жутко комплексовала из-за своего веса, который никак не хотел уменьшаться, невзирая на все ее ухищрения с диетами, и худенькая москвичка с девичьей тонкой фигуркой вызывала у нее раздражение и неприязнь.

– Не понимаю, как можно с такой спать, – не унималась она. – Ни кожи ни рожи. И глаза злые. Никакой красоты.

– Согласен, – подхватил Петр, который был искренним поклонником пышных форм и действительно считал свою подругу самой красивой женщиной в мире.

– Что – согласен, что – согласен? – Линда сама не заметила, как повысила голос. – Ты только так говоришь, чтобы меня утешить, а сам пялишься на всех стройненьких девиц, которые мимо проходят. Вот все вы, мужики, такие!

– Все мужики не такие, – рассудительно возразил он. – Стройненькие девочки радуют глаз, а хотят мужики именно таких, как ты, пышных, в теле. Одно дело хотеть глазами, и совсем другое...

– Да как можно хотеть такое, как у меня, – уныло произнесла Линда упавшим голосом, не сводя глаз с московской сыщицы, пьющей кофе за оконным стеклом. – Ты сам посмотри: тут висит, там торчит... Ужас какой-то! И ведь я бьюсь за каждый грамм, не помню, когда в последний раз жареную картошечку ела, сладкого в рот не беру, а толку – ноль. А этой, московской, хоть бы что, вчера целый день мороженое и торты трескала. Ненавижу! Злая она!

– Линда Хасановна, успокойся. Ты просто ей завидуешь, потому и говоришь про нее гадости. Ну какая она злая? Просто немолодая уставшая тетка. Между прочим, она старше тебя как минимум лет на десять, если не больше, так что не завидуй, ты все равно лучше и моложе, – утешил ее Петр. – Да, то, что у тебя висит и торчит, выглядит не очень эстетично, тут я не спорю, но мне-то все равно это нравится, и я это хочу. Давай сменим позицию, а то мы слишком долго торчим на одном месте, как бы они нас не заметили. Хочешь, пообедаем пока?

– Нет, рискованно. Сейчас он доест свои десерты, и они могут уйти в любой момент. Надо проследить, куда они потом пойдут.

– А в гостиницу когда?

– Да найду момент, – отмахнулась Линда. – Успеется. Вот вечером отправлю тебя общаться с сиделкой, а сама в гостиницу заявлюсь. Нет, – тут же задумчиво поправила она сама себя, – не так. «Райский уголок» – отельчик крохотный, там номеров, насколько я помню, не больше десятка, соваться туда опасно, каждое новое лицо на виду. Я лучше посмотрю администратора и прогуляюсь за ней до дома или куда там она пойдет после работы. Они, по-моему, в десять вечера сменяются.

– А не в восемь?

– Нет, – твердо ответила Линда, – в десять, я хорошо помню. Смотри-ка, расплачиваются. Сейчас будут выходить. Но до чего все-таки хорош мужик, а? И за что этой каракатице такое счастье?

– Не придумывай, – строго оборвал ее Петр, – мы ничего не знаем точно, может, они просто коллеги.

– Ну да, – вздохнула она, – знаем мы этих коллег... Достаточно на нас с тобой посмотреть. Нет ничего опаснее совместной работы.

Они наблюдали за своими «объектами» до самого вечера. Линде и Петру пришлось разделить, потому что женщина ходила по адресам и с кем-то встречалась, а мужчина бродил по улицам, заходил в ресторанчики, кафе и магазины и вообще бездельничал. А может,

что-то выискивал? Но в любом случае в контакт он вступал только с барменами, официантами и продавцами, да и то, судя по выражению его лица, ничего серьезного не спрашивал. И, только убедившись в том, что московская парочка вернулась в отель ужинать, наблюдатели отправились по своим делам.

Встретились они поздно вечером в квартире Линды. Петр пришел раньше – беседа с Ладой Якушевой не заняла у него много времени, девушка оказалась болтливой и падкой на мужское внимание, а Линда, которая должна была дожидаться, пока закончится смена у администратора отеля «Райский уголок», явилась в первом часу ночи.

– Линда Хасановна, я поесть приготовил, – тоном первого ученика доложил Петр. – У нас жареная рыба и макароны. Садись скорее.

– Петруша, – застонала Линда, – ну сколько можно повторять: на ночь есть вредно! Ты на часы смотрел?

– Но я голодный! – возмутился он.

– Надо было поесть пораньше, – строгим учительским голосом произнесла Линда. – Зачем ты меня ждал? Ты же знал, что я все равно есть не буду. И потом, кто позволил тебе жарить рыбу?

– А что такого? – удивился он.

– Ты ведь на масле жарил, а это сплошной холестерин. Тебе нельзя. Петруша, ты как маленький ребенок, ей-богу! Надо было отварить или запечь в духовке. Я категорически запрещаю тебе это кушать.

– Так что теперь, выбрасывать?

– Значит, выбрасывать, – в ее голосе отчетливо звучали металлические ноты. – Если я не буду следить за твоим здоровьем и правильным питанием, ты вообще загнешься через месяц. Кстати, тебе пора сдавать кровь на холестерин, уже год прошел с тех пор, как ты в последний раз сдавал анализ. Завтра же сходи в поликлинику.

– Знаешь, любимая, – медленно произнес Петр, – в мире еще очень много стран, народы которых нуждаются в свободе от тирании.

И Линда моментально потухла, словно внутри ее пышного упругого тела повернули выключатель. Петр удовлетворенно улыбнулся, положил на свою тарелку огромный кусок жаренной в масле рыбы и начал есть. Линда молчала и смотрела в окно.

Несколько лет назад, когда Петр увольнялся со службы в милиции, он в течение нескольких дней подряд здорово нарушал антиалкогольный режим – надо было проставиться и «накрыть поляну» всем коллегам и старым знакомым. Они тогда уже жили вместе в квартире Линды. В один из этих дней он, придя домой, нарвался на скандал: Линда начала выговаривать ему за беспрерывное пьянство.

– Так нельзя, – почти кричала она, – ты загубишь себя, ты и без того плохо выглядишь, а беспробудным пьянством ты окончательно посадишь и поджелудочную железу, и печень. И клетки мозга, между прочим, тоже. Кому ты будешь нужен, больной и безмозглый? Ты даже на стакан кефира не сможешь себе заработать! Или ты уверен, что я никуда не денусь и буду содержать тебя до конца жизни? Нашел дуру!

Увлечшись своими оптимистическими прогнозами, Линда не заметила, как перешла ту грань, за которой у Петра лопнуло терпение. Вообще-то он всегда был спокойным, медлительным, флегматичным, и такой вспышки она от него никак не ожидала. Петр вдруг переменялся в лице, открыл клетку с любимцем Линды – попугаем Аркашей, и с диким криком: «Свободу народам Африки!!!» – выкинул несчастную птицу в окно. Попугай оказался свободолюбивым, расправил крылья и улетел. Линда охнула, выбежала на улицу, она пыталась догнать Аркашу, потом несколько недель искала его по всему городу, развешивала объявления, в которых обещала награду тому, кто найдет попугая, но тщетно. Больше она Аркашу не видела.

Спустя какое-то время Линда, большая любительница животных, завела морскую свинку, потом появилась черепаха, за ней – кот. А вот Петр братьев меньших не жаловал, хотя и терпел в силу спокойствия и флегматичности нрава. Однако он все время держал свою эмоциональную подругу в тонусе, и когда она уж очень его доставала, намекал на то, что кого-нибудь из питомцев вполне может выкинуть из дома во имя свободы угнетенного народа. Петр был не лишен известного чувства юмора, и, когда Линда впервые после утраты любимого попугая принесла нового обитателя квартиры – морскую свинку, он предложил назвать ее Анголой. Линда беды не почуяла, наоборот, страшно обрадовалась, что ее любимый пусть хотя бы таким образом, но готов принять участие в судьбе животного. Черепахе, оказавшейся мужского пола, было предложено имя Гондурас, и недоброе предчувствие тогда впервые шевельнулось в любвеобильной душе хозяйки дома, а когда Петр заявил, что изящному гладкошерстому черному котику вполне подойдет кличка Сенегал, было уже поздно. Обычай сложился, и теперь Линде приходилось по возможности следить за собой, чтобы ее забота о любовнике не стала слишком навязчивой и назойливой. Как правило, ей это удавалось, но иногда она забывалась, и тогда Петр произносил страшную фразу, начинающуюся словами: «Знаешь, любимая...»

Петр с удовольствием поедал рыбу, и Линда мучилась от желания съесть хотя бы макароны, хорошо бы еще посыпать их сыром и заправить сливочным маслом. Но нельзя. Она и без того слишком толстая. Надо отвлечься самой от мыслей о еде и отвлечь Петрушу от непростительной ошибки, которую она, Линда, только что совершила.

– Знаешь, эта парочка, оказывается, состоит в браке, – сказала она как можно равнодушнее.

Петр поднял голову и с интересом посмотрел на нее.

– Да? И с кем же?

– Друг с другом. Только у них фамилии разные. Но живут они в одном номере. И в паспортах у них штамп о регистрации брака.

– Очень хорошо, будет о чем доложить шефу. Зря ты не ешь, между прочим, рыба очень вкусная. И полезная.

– Она вредная!

– В ней витамины, – хладнокровно сообщил Петр. – И кислоты какие-то, я забыл, как они называются.

– Она жареная, ни тебе, ни мне этого нельзя. Вот посмотришь, ночью у тебя будет ныть желчный пузырь, – грозно пообещала Линда, забывшись, и тут же спохватилась и перевела разговор на другое: – Что тебе удалось узнать?

– У Лады спрашивали про мужчину, с которым она познакомилась незадолго до убийства доктора. Как ты думаешь, это опасно?

– Не знаю. Нам ведь ничего не говорят, нас просто наняли, чтобы мы держали шефа в курсе. Да нам-то какая разница?

– И то верно, – кивнул Петр, подбирая кусочком белого хлеба масло с опустевшей тарелки и делая вид, что не замечает неодобрительного взгляда Линды. – Лишь бы деньги платили. Завтра с утра позвоним, доложимся.

Их нашел и нанял человек из Москвы, случилось это больше трех месяцев назад, вскоре после убийства Евтеева, велел отслеживать телодвижения милиции и следствия по раскрытию преступления против старого доктора. Связи у Линды и Петра в правоохранительных органах были крепкие, и за очень небольшие деньги им удавалось узнавать все, что нужно. В чем состоит интерес шефа, им не объясняли, просто дали задание и телефон человека, которому они должны докладываться. Ничего опасного в следствии не происходило, дело порасследовали немножко и прикрыли. В тот момент Линда и Петр думали, что с этим заданием покончено, однако совсем недавно им снова позвонили: шефу стало известно, что

по Южноморску разгуливает какая-то парочка, которая интересуется сыном покойного доктора. Нужно было выяснить, что к чему. Вот они и выясняют. Практически вслепую, но зато за хорошие денежки.

* * *

В информации, которую полковник Алекперов получил от неизвестного ему источника, содержались, помимо прочего, сведения о следователе, который вел когда-то дело о нарушениях правил валютных операций, то самое дело, из которого непонятным образом «выпал» Валерий Стеценко. На то, чтобы найти этого следователя, много времени не ушло, он давно вышел на пенсию и жил в Москве. Правда, Хана предупредили, что он очень больной и немощный и, похоже, немножко выжил из ума, но Алекперова это не огорчило, а даже совсем наоборот: следователи, как, впрочем, и другие сотрудники КГБ, обычно не рассказывают о своей прошлой работе, привыкли, что она вся проходила под грифом «секретно», и хранят свои тайны, несмотря на то что проходит не один десяток лет. Если бы следователь Полищук оставался в здравом уме и твердой памяти, шансов у Хана было бы крайне мало, а так все-таки есть надежда вытащить из старика хоть что-то.

Николай Федорович Полищук выказал немедленную готовность к встрече, и Хан понял, что старик отчаянно изнывает от скуки. Был Николай Федорович сгорблен, плохо ходил и почти ничего не видел, хотя, насколько Хану было известно, возраст у него был не таким, чтобы выглядеть дряхлым стариком, всего-то семьдесят четыре. Жена Полищука смотрелась вполне бодрой моложавой дамой и торопливыми шажками металась по маленькой квартирке, готовя нехитрое угощение и чай для гостя.

– Видишь, во что я превратился, – сетовал Николай Федорович, – совсем ничего не могу, болезни замучили. Боюсь, бросит меня жена-то, она у меня еще молодец, а я уже никуда не гожусь, только на таблетках и уколах еще как-то тяну. Ты пей чай-то, пей.

Сам он без конца требовал от жены подлить ему чаю погорячее и упрекал ее:

– Что ты мне все помои какие-то носишь! Кипяточку, кипяточку принеси.

Что касается валютного дела, то истосковавшийся по общению старый следователь ничего скрывать не стал. Правда, он долго не мог взять в толк, каким именно делом интересуется полковник Алекперов, потом старательно напрягал память и наконец вспомнил, что в какой-то момент следствия его вызвали к руководству управления и сказали, что в связи с «оперативной необходимостью» фигуранта Стеценко надо вывести из материалов дела, да так, чтобы следа не осталось. Какая такая была необходимость – ему не пояснили, это было не принято, но в кабинете руководства при разговоре присутствовал офицер из другого управления, которое занималось обеспечением охраны государственной тайны на госпредприятиях.

– Фамилию офицера не помните? – спросил Хан, ни на что, впрочем, не надеясь.

– Не помню? – Полищук хрипло рассмеялся. – Да я ее и не знал никогда. Я эту рожу в первый и в последний раз видел. Мне мое начальство его представило, только имя назвать забыло. А я и не спрашивал. Мне велели – я сделал, лишних вопросов не задавал. Стеценко тот даже свидетелем не пошел, вынес я его из дела начисто. А что случилось-то, полковник? Для чего тебе эта история?

– Да убили этого Стеценко, вот восстанавливаю всю его жизнь, чтобы понять, кому он мог дорожку перейти, – ответил Хан полуправдой-полуложью.

– Ой, врешь, полковник, – Николай Федорович прищурился и впери в Алекперова подслеповатые глазки, – ой, врешь. С какой такой поры полковники милицейские простыми трупами занимаются? Или Стеценко в большие люди вышел и олигархом заделался? Кем он был-то, пока его не грохнули?

– Работягой, квартиры ремонтировал, – пробормотал Хан.

Видно, бывший следователь Полищук из ума-то не совсем еще выжил, соображает быстро и четко.

– Ну вот, я ж говорю – врешь, – удовлетворенно изрек Николай Федорович. – А ну давай, спроси меня еще что-нибудь, я тебе все расскажу, ничего не утаю. Я эту контору знаешь как ненавижу? Да будь она проклята на веки вечные!

– Что так? – вскинул брови Хан.

Уйти от Полищука ему удалось только через полтора часа, старика словно прорвало, и он все не мог остановиться, рассказывая, как предала его служба, как отказалась от его профессионализма, опыта и знаний, как выперла его на пенсию, молодого, полного сил и желания работать, и как тяжело и долго он после этого болел, и в какую развалину он теперь превратился... Нет, все-таки Николай Федорович был слабоват на голову, а его точный вопрос оказался единственным проблеском ясного в прошлом ума.

Глава 10

Несмотря на то что Сорокины постоянно были готовы к общению с соседями, звонок Льва Сергеевича все-таки застал их врасплох. Ангелина Михайловна изучала купленный накануне альбом живописи эпохи Ренессанса, а Вилен Викторович с упоением предавался просмотру-прослушиванию записанного на видео концерта оркестра под управлением Зубина Меты. Ему не хотелось отрываться от своего занятия, поэтому, когда зазвонил телефон, он сделал жене знак взять трубку и выйти из комнаты. Ангелина послушно ушла разговаривать в кухню, но уже через пару минут ворвалась в комнату и возбужденно заговорила:

– Виля, собирайся, Лев Сергеевич нас приглашает.

Вилен Викторович с недовольным лицом остановил диск.

– Что случилось? Его ненасытная утроба снова проголодалась?

– Ну зачем ты так? – с упреком проговорила Ангелина Михайловна. – К нему сын приехал, он хочет нас познакомить.

В глазах Вилена мелькнул интерес.

– Какой сын? Леонид? Или... тот?

– В том-то и дело, что он не сказал! А вдруг тот?

Они быстро переоделись, сменив домашнюю одежду на более приличествующую случаю, и отправились к Гусаровым.

Едва войдя в комнату в сопровождении Льва Сергеевича, они сразу поняли, что удача наконец повернулась к ним лицом. Им уже показывали альбомы с семейными фотографиями, поэтому одного взгляда на сидящего на диване молодого мужчину оказалось достаточно, чтобы убедиться: перед ними младший сын Гусаровых Александр. Именно тот, кто интересовал супругов Сорокиных. Некрасивый, с грубым, словно небрежно вылепленным лицом, он ни одной своей черточкой не походил ни на мать, ни на отца. При появлении гостей он вежливо встал и коротко кивнул:

– Здравствуйте, я – Александр, очень рад познакомиться, родители много о вас рассказывали.

– Мы тоже очень рады, – приветливо откликнулась Ангелина Михайловна, – и тоже много о вас слышали. Вы ведь художник, если я не ошибаюсь?

– Это верно, – улыбнулся Александр.

Улыбка у него была приятная, и все его грубое некрасивое лицо сразу стало мягче и будто бы светлее.

– А где вы выставляетесь? Знаете, мы с мужем большие любители живописи, и мы обошли все московские галереи, но ваших работ нигде не встречали. Вы уж простите мою прямоту, но про художника Александра Гусарова вообще никто не слышал. Или вы любитель?

– Ну... – Александр слегка замялся, – можно и так сказать. Во всяком случае, в среде профессиональных художников меня не признают. Папа, давай я сделаю чаю гостям.

Его попытка сменить тему выглядела отчаянно неловкой, и любой воспитанный человек отступил бы и перестал задавать неудобные вопросы, но Сорокины не могли себе этого позволить. Они должны были «добить» тему до победного конца во что бы то ни стало.

– Сашенька, а чем же вы занимаетесь на самом деле? – продолжала допытываться Ангелина Михайловна. – Если живопись для вас просто хобби, то чем вы зарабатываете на жизнь? Люсенька говорила, что вы состоятельный человек и материально помогаете своим родителям. Вы не сочтите меня бестактной. Я уже в том возрасте, когда можно позволять себе любые вопросы.

– Санька, да что ты дурака-то валяешь? – вмешался Лев Сергеевич. – Чего придиуриваешься? Скажи как есть, не стесняйся.

Александр молчал, и Гусарову пришлось продолжать самому.

– Это для нас он Санька, а как художник он носит имя Борис Кротов, – пояснил он с горделивой улыбкой. – Но в галереях вы его работ не найдете. Его портреты висят только в частных коллекциях.

– Что вы говорите? – изумилась Ангелина Михайловна. – А почему? И зачем вам творческий псевдоним?

Она изо всех сил старалась, чтобы ее голос звучал естественно и чтобы изумления не было ни слишком много, ни слишком мало. Все это, насчет псевдонима и частных коллекций, она уже давно знала, но не имела права выдавать свою осведомленность.

– И почему именно Борис и именно Кротов? – подал голос до того момента молчавший Вилен Викторович.

Ангелина бросила на мужа благодарный взгляд: он задал правильный вопрос, совершенно необходимый, а вот она сразу-то и не сообразила. А вопрос Александру не понравился, да и Лев Сергеевич отчего-то смутился.

– Мне всегда нравилось имя Борис, – сказал Александр. – Оно мне кажется коротким, емким, мужественным.

– А почему Кротов?

Лев Сергеевич вздохнул и умоляюще посмотрел на сына.

– Саня, Ангелина Михайловна и Вилен Викторович – наши соседи, мы с мамой много общаемся с ними. Давай уж не будем ничего скрывать. Дело в том, что Саня нам не родной. Его мама была...

– Мама умерла, когда я был совсем маленьким, – перебил его Александр. – И меня усыновили папа Лева и мама Люда.

От Сорокиных не укрылся быстрый взгляд, который бросил на сына Лев Сергеевич. Однако понять, что именно было в этом взгляде – упрек или понимание, – им не удалось.

– Мамина фамилия – Кротова. Вот и все объяснение.

– А почему вы ограничиваетесь частными коллекциями? – не отставала Ангелина.

– Видите ли, я пишу только портреты, а портреты всегда интереснее самим моделям и членам их семей, чем широкой общественности. Папа, давай все-таки угостим наших гостей чаем, я пирожные принес. Очень вкусные.

На этот раз намек был таким прозрачным, что не заметить его было бы верхом неприличия, и Сорокиным пришлось отступить. Александр увел отца в кухню готовить чай, и Сорокины остались в комнате одни.

– Черт, сорвалось! – с досадой прошептал Вилен Викторович.

– Да, жалко, мы были буквально в двух шагах, – согласилась Ангелина. – Но, возможно, не все еще потеряно. Надо напроситься к нему домой посмотреть работы, может быть, в другой обстановке и без отца он станет более разговорчивым.

– Надо попробовать. Жаль, что Люся на работе, в ее присутствии было бы проще вытянуть из них правду. Ты бы начала с ней беседы на всякие материнские темы, и ей было бы не отвертеться.

– Тише!

Ангелина Михайловна предостерегающим жестом подняла палец и прислушалась. Стоял по-летнему теплый день, дверь на балкон была распахнута настежь, и до них донеслись приглушенные голоса – Лев Сергеевич и Александр разговаривали на кухне, окно которой тоже было открыто.

– Ничего не разобрать, – тихо проговорила она. – Давай выйдем на балкон.

Вилен Викторович покорно встал с кресла, в котором так уютно и удобно было сидеть. С балкона действительно было слышно каждое слово, произнесенное в расположенной рядом кухне.

– Санька, ведь столько лет прошло. Я не вижу смысла...

– Пап, я не хочу. Просто не хочу. Понимаешь?

– Нет, не понимаю, – голос Льва Сергеевича стал сердитым. – Зачем делать из этого проблему? Сынок, прошло много лет, и теперь...

– Я не хочу об этом вспоминать. И не хочу вдаваться в подробности, тем более в разговоре с малознакомыми людьми. Усыновили – и усыновили, и хорошо. Никому не интересны эти детали с опекой и квартирой.

– Саня, это для тебя Сорокины малознакомые люди, а мы с мамой их очень хорошо знаем, мы встречаемся и общаемся каждый день, и нам неловко им все время врать. Мы вынуждены считаться с твоими причудами, но нам это иногда бывает в тягость. Не понимаю, почему нельзя объяснить людям, что ты на самом деле Кротов по паспорту, а Гусаровым ты вообще никогда не был, потому что мы тебя не усыновляли, а оформили опеку, чтобы сохранить для тебя квартиру. И видишь, мы не прогадали, оказались правы, ты эту квартиру продал и купил себе дом, в котором устроил мастерскую. Почему надо все это скрывать? Чего стыдиться? Ну что за блажь?

– Я не хочу, – твердо и медленно произнес Александр. – Я не хочу никаких разговоров ни о маме, ни об убийстве, ни о моих чувствах и переживаниях по этому поводу. Вы с мамой Людой – мои родители, вы меня вырастили вместе с Ленькой и Маринкой, вы меня кормили, одевали, воспитывали, дали мне возможность получить образование. Вы дали мне брата и сестру, семейное тепло и родительскую любовь, и у меня нет ни малейшего желания обсуждать с кем бы то ни было тот факт, что вы мне не родные. Пап, давай оставим эту тему, с тобой я ее тоже обсуждать не хочу. Смотри, в сахарнице песку – на донышке, а банка вообще пустая. У вас что, сахар закончился? Иди развлеки гостей, а я сбегаю в магазин.

– Да не надо, сынок, мы у Сорокиных зайдем, у них всегда все есть. Сейчас я скажу Ангелине – она принесет.

– Я смотрю, вы тут просто общежитие устроили, – насмешливо заметил Александр. – Может, у вас уже и бюджет общий? Вы с соседом женами еще не меняетесь?

– Санька! Ты все-таки с отцом разговариваешь, а не с этими твоими бандитами, ты думай, что говоришь!

При этих словах Вилен Викторович поморщился. Точно такую же мину он корчил, когда в супе ему попадался вареный лук. Все-таки когда в человеке нет интеллигентности, то и шутки у него грубые и скабрзные, а откуда этой интеллигентности взяться, если пишешь портреты одних отморозков и с ними же и общаешься? Но придется делать вид, что ничего этого супруги Сорокины не знают и принимают гусаровского приема за истинного представителя культурной элиты.

Уселись пить чай с пирожными. Ангелина Михайловна предприняла еще несколько попыток направить разговор в нужное русло, но безуспешно. Правда, напроситься в мастерскую к Александру «посмотреть работы» Сорокиным все-таки удалось.

– Только вы предварительно позвоните, – предупредил их Александр, – если у меня сеанс, то посторонние мне мешают, я никому не позволяю находиться в доме, кроме своей домработницы. Ну и модели, естественно. А если сеанса нет, то милости прошу в любое время, я покажу вам работы, которые делал не на заказ, а для собственного удовольствия.

Вернувшись к себе, Сорокины подвели итог состоявшегося знакомства. Теперь они официально знают, что Александр – не родной сын Гусаровых. Более того, они знают, что его настоящая фамилия – Кротов. И это уже плюс. А вот то, что он молчит об убийстве матери и вообще не говорит о ее смерти, – это минус. Потому что без обсуждения трагической смерти Ларисы Кротовой невозможно выйти на то, что так нужно Сорокиным и без чего не может обойтись Максим Крамарев.

Весь вечер Вилен Викторович ворчал, что придется теперь тащиться за город смотреть картины, которые просто по определению не могут представлять никакого интереса для тонкого ценителя искусства.

– Виленка, не будь таким снобом, – уговаривала мужа Ангелина Михайловна. – Посмотрим его работы, от нас не убудет. Зато мы, может быть, продвинемся в наших поисках. Да мы уже значительно продвинулись сегодня.

– Ну разве что... – вздыхал Сорокин. – Чем быстрее мы справимся, тем быстрее все это закончится. И никакой нувориш с политическими амбициями не сможет больше диктовать, что мне делать и как жить. Скорей бы уж.

* * *

Валентина поглубже вдохнула, втягивая ноздрями запах Гашина, и зажмурилась от наслаждения. Запах был горьковатым и немного терпким, напоминающим не то полынь, не то дым от хорошего табака. Его обнаженное плечо, как и все тело, было смуглым и гладким, и Валентине отчего-то пришло на ум сравнение с шоколадным яйцом, внутри которого спрятана детская игрушка. Внутри Славомира тоже прятался сюрприз, только пока непонятно было, приятный или не очень. Несмотря на физическую близость, Гашин оставался закрытым и почти незнакомым. Они встречаются ежедневно вот уже целую неделю, а Валентина так ничего и не знает о нем, кроме имени и профессии. Правда, теперь она еще знает, каков он в постели – хорош во всех отношениях: ласковый, внимательный, заботливый, правда, не особенно сильный, ее прежний любовник, директор института, был посильнее и более изобретателен, но разве это имеет значение? Значение сегодня имеет только то, что Славомир лежит рядом, обнимая ее одной рукой, и это означает, что она, Валентина Евтеева, отныне его женщина, она принадлежит ему, такому умному и красивому, такому необыкновенному, она любит его и имеет право находиться подле него. По сравнению с этим счастьем меркнут такие мелкие детали, как сексуальная слабость и отсутствие интереса к разнообразию.

Гашин осторожно вытащил руку из-под Валентиной спины и потянулся за часами.

– Тебе пора? – грустно спросила она.

– Нет пока, у меня еще есть немного времени. Но я боюсь, что вернется твоя хозяйка. Не хотелось бы, чтобы она меня застала в твоей постели.

«Почему?» – хотела спросить Валентина. Почему надо делать секрет из их отношений? Что в них такого запретного или неприличного? Может быть он женат, и об этом знают все, кто бывает в доме Крамарева? Возможно, они даже знакомы с его женой... Или все-таки есть какие-то отношения с учительницей арабского? Вопросы вертелись на языке, но Валентина их не задала: с самого начала их знакомства как-то так сложилось, что он ничего не рассказывал, а она не смела спросить.

– Нина Сергеевна не скоро придет, – успокоила она Гашина. – Она после работы собиралась еще ехать в Москву, у ее приятельницы день рождения. Давай еще поваляемся. Слава, я хотела тебе кое в чем признаться.

Он приподнялся на локте и настороженно посмотрел на нее, слегка прищурив глаза. Сегодня он впервые с момента первой встречи снял очки с затемненными стеклами, и Валентина не могла налюбоваться его длинными густыми ресницами, очерчивающими контуры глаз словно карандашом-подводкой.

– Тебе не понравилось? – сухоvalo спросил Гашин. – Я тебя разочаровал?

– Да ты что! Все было великолепно, лучше просто не бывает! Я о другом... Слава, ты меня прости, но я тебя обманула. Честное слово, без всякого злого умысла, просто я влюбилась в тебя с первого взгляда и очень хотела тебе понравиться. Ты не сердишься?

– Пока не знаю, – снисходительно улыбнулся Славомир. – Это зависит от того, в чем именно ты меня обманула. Так в чем же? Ты – шпионка, работающая на конкурентов Крамарева?

Валентина расхохоталась:

– Слава, милый, ну какая из меня шпионка? Я – самый обыкновенный научный сотрудник, технарь...

– И пишешь диссертацию, – закончил он. – Это я уже слышал.

– Не пишу, – призналась Валентина. – Я ее давно уже написала и защитила.

– Ничего себе! – Гашин подложил под спину подушку и сел в постели. – Так ты настоящий кандидат наук? Или даже доктор?

– Кандидат. Но я действительно занимаюсь физикой низких температур, тут все правда.

– А наврала зачем?

– Мне нужно было как-то объяснить свое пребывание в Москве... И потом, раз ты тоже ученый и тоже технарь, то мы вроде как родственные души. Я же говорю: понравиться хотела.

Ей казалось, что тема исчерпана и Славомир ее сразу же простил, ведь ложь ее была, по сути, совершенно невинна, Валентина не прибавляла себе заслуг, а, напротив, умаляла их, и потом, она же сама призналась, не дожидаясь, когда ее припрут к стенке, уцепившись за какую-нибудь ошибку в словах или поведении.

Однако Славомир, похоже, ее точку зрения не разделял. Брови его дрогнули и чуть сдвинулись к переносице.

– Что значит – оправдать свое пребывание в Москве? Объяснись, будь любезна. Для чего ты на самом деле приехала сюда из Петербурга?

– Не из Петербурга, – расстроенно поправила его Валентина.

– А откуда же?

– Из Южноморска. Не сердись, Славочка, родной мой, я просто не хотела выглядеть в твоих глазах обыкновенной провинциалкой.

Она не заметила, как губы его сжались в тонкую некрасивую щель. Перепуганная недовольством в его голосе, Валентина даже боялась смотреть на любовника и принялась торопливо рассказывать, какие печальные обстоятельства на самом деле привели ее в столицу.

Но Гашин ее даже не дослушал, прервав на полуслове.

– Может быть, у тебя и имя другое? – надменно спросил он. – И никакая ты не Валентина? Кстати, я до сих пор не знаю твоей фамилии, но теперь, вероятно, интересоваться этим бессмысленно, ты все равно солжешь.

– Я действительно Валентина, – тихо произнесла она. – Валентина Евтеева, если тебе это интересно.

Славомир резко откинул одеяло, отшвырнул его на пол, схватил со спинки кресла свою одежду и принялся одеваться.

– Слава, ну что ты, – растерянно бормотала Валентина. – Не сердись, я тебя умоляю, я не хотела ничего плохого, честное слово... Это все только для того, чтобы понравиться... Я же не виновата, что влюбилась в тебя сразу же... Ну Слава, Славочка, родной мой, ну не надо, пожалуйста...

Он одним движением застегнул «молнию» на куртке из тонкого трикотажа и шагнул к двери.

– Я никогда не имею дело с лжецами. Я думал, что встретил светлую, спокойную, чистую женщину, которую я понимаю, а оказалось, что мне приходится иметь дело с мошенницей и обманщицей. Спасибо, что твоя сущность вскрылась уже сегодня, пока еще наши отношения не зашли слишком далеко. Я не желаю больше тебя знать.

– Но Слава... Слава, подожди, не уходи!

Но он уже хлопнул дверью, потом раздались его быстрые тяжелые шаги вниз по лестнице, на первый этаж, потом Валентина уловила звук открывающейся и закрывающейся входной двери. Все. Он ушел.

Брошенное Гашиным одеяло так и валялось на полу, и Валентина не могла отвести от него глаз. Что случилось? Почему? Почему он пришел в такую ярость от ее признания? Неужели Нина Сергеевна была права, когда говорила, что в столице не любят людей с горестными проблемами? Неужели дело именно в этом? Наверное, да, ведь Славомир даже не дослушал ее – настолько ненужен, неинтересен был ему рассказ Валентины. И сама Валентина сразу же стала ему не нужна. «Он подумал, что мне нужна помощь, – думала она, кутаясь в халатик в попытках спастись от внезапного сотрясающего озноба. – Ну конечно, он решил, что я совсем обнаглела от близости с ним и собиралась воспользоваться его расположением, чтобы добиться помощи. Ведь как он рассудил? Я – хитрая провинциальная щучка, которая не может самостоятельно справиться со своими проблемами и у которой нет ни денег, ни связей. А тут подворачивается крупный ученый, у которого, наоборот, все это есть, и щучка всеми правдами и неправдами затаскивает его в постель, чтобы потом, когда он размякнет, разжалобить его и заставить помогать. Если бы он меня дослушал, он бы понял, что я справляюсь сама и мне ничего от него не нужно! Но он не дослушал и ушел. Теперь он меня ненавидит и презирает. Я знаю, что нужно сделать: нужно найти его и все объяснить, нужно заставить его дослушать меня до конца, и тогда он поймет, что ошибался, что у меня не было никакого корыстного расчета, что я действительно его люблю. И он вернется».

Согреться все не удавалось, и Валентина, завернувшись в поднятое с пола одеяло, спустилась на кухню, достала из шкафчика початую бутылку коньяка из запасов Нины Сергеевны, налила треть стакана и выпила залпом. Коньяк обжег грудь изнутри, но через пару минут озноб прекратился, и Валентина немного расслабилась. То, что произошло, ужасно, горько, обидно, но поправимо. Сейчас она ляжет в постель и постарается уснуть, а завтра пойдет в лес на другой стороне шоссе, дождется Славомира и поговорит с ним. Она все ему объяснит, и он поймет ее. Не может не понять. Ведь он такой умный, такой необыкновенный. Да, она совершила непростительную глупость, но все еще можно поправить.

* * *

Евгений Евтеев предложил Насте Каменской встретиться у него дома. Чистяков от совместного визита отказался – ему гораздо интереснее было изучать жизнь города, чем встречаться с братом заказчицы.

– Я тебя провожу, а то ты без меня адрес не найдешь, – авторитетно заявил Алексей.

Евгений жил возле парка имени Пушкина, вернее, возле того, что от парка осталось, в нарядном просторном доме за высоким забором. Уже с первых минут разговора стало понятно, что Настя напрасно ждала его возвращения из-за границы: Евтеев-младший ничего интересного не рассказал ни о врагах отца, которых он попросту не знал, ни об имеющихся у покойного ценностях.

– Мне сказали, что ваши отношения с Дмитрием Васильевичем были далеки от безоблачных, – аккуратно заметила Настя.

Евтеев равнодушно посмотрел на нее и пожал плечами:

– Да, это правда. И что с того? Вы полагаете, я из-за этого мог убить папу?

А что? И такое бывает.

– Не расскажете подробнее? – попросила она.

– Да тут нечего рассказывать. Папе не нравилось, что я занимаюсь бизнесом, он считал, что современный российский бизнес сплошь построен на криминале и, соответственно, я тоже замаран. Ему это претило, он был кристально-честным человеком, к рукам которого

ни крошки грязи за всю жизнь не прилипло. Вот и весь конфликт. Папа считал мой бизнес грязным и мои деньги тоже грязными, поэтому отказывался от материальной помощи с моей стороны.

– Значит, вы ему не помогали?

– Еще как помогал! Но не напрямую, а через Валю. Мы с ней так наловчились врать, чтобы папа ни о чем не догадался!

И Евгений задорно расхохотался, сверкая отлично сделанными металлокерамическими зубами. «Нет, он не убивал, – подумала в этот момент Настя. – Не то чтобы он не мог, может кто угодно. Но ему просто незачем это делать. В нем нет ни капли ненависти к отцу, да что там ненависти – даже неприязни я не чувствую. Ни разу за весь разговор он не назвал Дмитрия Васильевича отцом. Только папой».

– Сколько же лет вы прожили в конфликте с отцом? – спросила она.

– Сколько лет? – Евгений задумался. – Да много, Анастасия Павловна. Вот вы спросили – и я понял, что все началось намного раньше, чем я занялся бизнесом. Вообще после переезда из Руновска у меня отношения с папой разладились.

– Не вспомните, почему?

Евгений развел руками и сложил полные губы скобочкой.

– А нипочему. Просто разладились – и все. До переезда папа был добрым, компанейским, веселым, выпить любил, шутил много, смеялся. А здесь, в Южноморске, его как будто подменили. Мне тогда было семнадцать, и я просто злился на папу, потому что он вдруг стал строгим, требовательным, постоянно сердитым и недовольным. Теперь-то я понимаю, что он так тяжело переживал перемену обстановки и окружения. Вам, наверное, уже говорили, что в отделении его приняли очень плохо?

– Говорили, – подтвердила Настя.

– Вот видите. На место заведующим планировался совсем другой врач, и вдруг появился папа, которого в больнице никто не знал и не ждал. Кому такое понравится? Конечно, на папу все окрысились, и он не мог не чувствовать этого и не переживать. Представьте себе: все кругом чужое и враждебное. Тут кто угодно взбесится. Так что теперь, когда я стал уже большим мальчиком, – Евгений обезоруживающе улыбнулся, – я стал понимать, почему у папы тогда так испортился характер.

– А ваша сестра тоже это чувствовала?

– Валя-то? Да что она тогда могла понимать! Она еще маленькая была. Ну, стал папа строже и требовательнее, но разве в том возрасте задумываешься над такими переменами? Просто принимаешь поведение родителей как данность и подстраиваешься под нее.

Они проговорили еще минут сорок, и Настя вдруг обратила внимание на то, что Евгений совершенно не интересуется результатами ее расследования. Он только отвечает на поставленные вопросы, сам же ни одного вопроса не задал. Это настораживало. Настя подождала еще немного, разговаривая о знакомых Дмитрия Васильевича, потом спросила:

– Евгений, вам что, совсем не интересно, как продвигается наше расследование? Ведь речь идет не о постороннем человеке, а о вашем родном отце.

Евтеев насмешливо посмотрел на нее.

– Да кому оно нужно, это ваше расследование? Вы все равно ничего не узнаете и никого не найдете.

Вот это уже интересно. Так обычно рассуждают сами преступники, если уверены в собственной ловкости и безнаказанности.

– Почему вы так уверены, что я никого не найду и ничего не узнаю?

– Потому что вы не там ищете. Это Валя вас сбита с панталыку, а вы идете у нее на поводу. Я на сто процентов уверен, что папу убил какой-то отморозок, который просто шер-

стил все квартиры подряд – авось где-нибудь дверь окажется хлипкой и можно будет пожить, чтобы хватило на дозу.

– Но вы же, насколько я понимаю, дали денег сестре, чтобы она заплатила за расследование. Зачем давали, если уверены, что Валентина не права?

– Ой, Анастасия Павловна, будто вы не знаете, как это бывает! Валя вбила себе в голову, что должна восстановить справедливость, что не может спать спокойно, пока преступник не пойман и не наказан. Думаете, мне легко было смотреть, как она мучается? Она же моя сестра, и я ее люблю. Вот и дал денег, чтобы она уже наконец сделала то, что считает нужным, и успокоилась.

– То есть, проще говоря, отвязалась? – холодно спросила Настя.

– Ну, если вам так понятнее – то да, отвязалась. Хотя я бы такое слово не употреблял. Вы поймите, отца все равно не вернуть, так какой смысл надрываться в поисках убийцы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.